

БЕЛЛЕТРИСТИКА АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Дени Дидро—«МОНАХИНЯ», пер. с франц. «АТЕИСТ», М. 1929 г. XII + 119 стр. 1 р. Тираж 15 000 экз.

Байрон—«КАИН». «БЕЗБОЖНИК» М. 1929 г. 96 стр. 50 к. Тираж 20 000 экз.

Дж. Боккачио—«ИЗБРАННЫЕ НОВЕЛЛЫ», пер. А. Н. Веселовского. Там же, 94 стр. 65 к. Тираж 20 000 экз.

Фр М. Вольтер—«КАНДИД ИЛИ ОПТИМИЗМ». Там же, 80 стр. Без ц. Тираж 20 000 экз.

Анатоль Франс—«ТАИС», пер. с фр. Ал. Дейча и М. Смелянова, там же, 124 стр. 70 к. Тираж 20 000 экз.

В первую очередь нужно поставить вопрос о том, в какой степени возможно использование переводной беллетристики для антирелигиозной пропаганды. Если исключить пролетарских писателей, вряд ли сможем мы где-нибудь за рубежом найти материалистическую, классово-насыщенную и близкую нам по темам антирелигиозную литературу. Особенно остро встанет вопрос, если мы раздвинем понятие и включим сюда и метод антиклерикальной, противцерковной, борьбы. В самом деле: роман, разоблачающий поведение православной церкви в 1905 г., не будучи по существу антирелигиозным, подрывает у советского читателя уважение к русскому духовенству, подготавливает штыковую атаку атеизма. Но какую реальную пользу может принести роман о контр-революционной деятельности и жестокостях инквизиции? В первом случае вывод вытекает из движения знакомых читателю фактов и отношений, во втором же изобличительный пыл рассасывается в общей экзотике материала: читатель забывает, что инквизиция—учреждение религиозное; в памяти остается только, что она учреждение жестокое.

Особенно трудно с классиками. Писатель современный (не говоря уже о пролетарских писателях) трактует тему в условиях, все-таки в значительной степени знакомых нам: поп-провокатор, поп-учитель, поп на фронте и т. п. Здесь обстановка, за вычетом специфических различий, строена на движущих силах (партизанская, школа, армия), знакомых нашему читателю. К сожалению, такой

литературы, кроме, кажется, трех-четырех книг, в природе не существует. Зато есть значительная, издающаяся над духовенством и церковью классическая литература. Названа она издающейся сознательно: из перечисленных авторов (а ведь Франс наш современник!) только Дидро был законченным материалистом и атеистом,—и то во время «Монахини», в 1750 г., был только неоспинозистом (см. Луппол—«Дидро». Гиз, стр. 148).

Вести антирелигиозную агитацию, искажая историческую действительность, значит подменять церковный обман другим. Искусственно вычитывать у антиклерикала и деиста антирелигиозные в нашем смысле положения—так же неправильно, как, к примеру, полемику Лютера с католицизмом, при помощи ножниц, превращать в полемику с христианством. Логический ход мысли приводит к отрицанию литературной применимости классиков. Это отнюдь не обозначает отказа от исторического использования их. Подобно тому как опыт французской революции неоднократно привлекался к изучению, но никак не принимался за практическое наставление в том смысле, в каком наставителем был опыт Коммуны,—подобно этому подложит изучению—но, естественно, не подражанию—опыт борьбы революционной буржуазии с церковью. Эта борьба—превосходная тема для лекций по истории церкви: разоблачая церковь, она еще сильнее разоблачает буржуазию.

Такова возможная, здравая точка зрения на классиков.

Роман Дидро представляет весьма относительный интерес с этой точки зрения. «Монахиня»—сухо написанный, с налетом галантности, меньшим налетом просветительства, бытовой роман. Тираж издания предполагает использование книги не лекторами, которым он дал бы реальные сведения о женских монастырях Франции XVIII в., но рядовым читателем. Фабула же, в конечном счете, такова: героиня попадает в монастырь доброй настоятельницы, которую потом заменяет настоятельница садистка, затем к настоятельнице-лесбиянке, затем бежит. Героине помогают добродетельные духовные лица. Естественный вывод: виновна в тяжкой уча-

сти героини не система, не самое наличие монастырей, но индивидуальный режим их, дурное начальство. Кстати, бедствия героини повторяются в мистическом романе Мэсьюрена «Мехмот» (1821); очевидно эти злключения—общее место антикатолической литературы. Вывод вполне согласуется с реформаторскими, в сущности, взглядами энциклопедистов и никак не годится для нас, хотя бы своей неправильностью. Задачу, которую поставило себе издательство, значительно лучше выполнил бы сборник документов, беллетристических отрывков и мемуаров, посвященных той же теме. Серию таких исторических сборников вообще давно пора бы издать. Материалов—любое количество, начиная с того же Дидро. Особо нужно отметить плохую бумагу, отвратительные иллюстрации, анонимность вступительной статьи и перевода, который блещет всем, чем угодно, кроме достоинств (для примера: тамап, мадам, monsieur вместо мама, сударыня, сударь). Почему в таком случае не переиздавать подлинник?), и отсутствие примечаний, совершенно необходимых при таком тираже.

Следующие четыре книги объединены в «художественной антирелигиозной библиотеке», которая выходит «под общей редакцией и со вступительными статьями к каждому произведению президента Государственной академии художественных наук П. С. Когана» (из проспекта, приложенного к Боккачо). Прежде чем заняться серией, поговорим о каждой книжке отдельно.

Байронова трагедия (кстати, перепечатка старого превосходного перевода Бунина. В проспекте объявлена его «Чаша жизни»; почему же нужно было снимать с титула его фамилию как переводчика?), при всем желании, не может трактоваться ни в качестве антирелигиозной, ни даже в качестве антиклерикальной. Дело тут не в эстетизме Байрона, не в довольно вялой его риторике. Дело в том, что «Каин» — одна из многочисленных в конце XVIII и в начале XIX века богоборческих вещей, отрицающих нормативные, извне данные законы, стесняющие отдельную личность. Это анархическое бунтарство шло из двух лагерей: от подымающейся буржуазии и от гибнувшей аристократии. В Байроне мы имеем второй случай — гнилостную флору. При всем уважении к дарованию и темпераменту скучающего шестого лорда Байрона, мы все же вправе констатировать, что эта анархистика в качестве антирелигиозного материала, мягко говоря, вредна, а в литературном отношении сильно

уступает обоим своим образцам—и «Потерянному раю» Мильтона и «Фаусту» Гете.

Из пятнадцати новелл Боккачо говорят о церкви по существу, как о системе торговли и обмана, четыре (1, 1; 1,6; 2,1; 6,10); с натяжкой годится еще одна, 3,3. Из остальных десяти восемь—истории о том, как монахи и католические священники развратничают; «разлагающаяся буржуазия» и так всем надоела, а тут еще в XIV в. Кстати, в число этих восьми входит и новелла 3, 10 (стр. 48) о том, «как загонять дьявола в ад». Остальные две говорят: одна о том, что христианство лучше иудаизма, так как, несмотря на разврат духовенства, христианство ширится (1,2), другая же о том, что человеку не дано знать, какая из трех религий—христианство, иудаизм, магометанство—истинная. Новеллы как раз уместные в антирелигиозной книге! Кстати, очевидно, из-за восьми эротических новелл, Боккачо издано на десять тысяч экз. больше, чем остальных авторов.

Замечательная повесть Вольтера в очень опрятном анонимном переводе (кого здесь обидели?) во-первых, действительна, во-вторых, вообще ни религии, ни церкви почти не касается.

Роман Франса посвящен изобличению монашества. Враждебно оно автору потому, что отнимает у человека радости тела. Мораль автора: не монашествуйте, ешьте вкусные обеды, нюхайте цветы и веселитесь. Самая разоблачительная, третья, часть романа всецело посвящена эротическим видениям. Превосходный материал для антирелигиозной пропаганды!

Вступительные статьи проф. Когана менее содержательны и более общи, чем соответственные страницы его же «Очерков по истории западно-европейских литератур». Примечания отсутствуют почти полностью, в то время как «Таис», например, попросту непонятна без них, а особенно массовому (20 000) читателю.

Серия обещает еще в числе прочего: 1) эротические, «Смешные (?)» рассказы Бальзака, 2) индивидуалистическую богоборческую драму Гуцкова «Уриэль Акоста», 3) избранные произведения Мольера, то есть, очевидно, «Тартюфа» и 4) два почти мистических романа Уэльса «Душа епископа» и «Неугасимый огонь». С таким же успехом можно было бы прибавить сюда порнографическую «Войну богов» Парни, богоборческого «Фауста» Клингера, антиклерикального «Спинозу» Ауэрбаха и ряд аналогичных вещей. А если итти уже по линии разоблачения преступных мо-

нахов,— почему бы не прибавить «Элексир дьявола» Гофмана или начисто-мистический, но зато о преступном монахе, роман Льюиса «Амброзио или монах»? Почему не «Владетельницу Влоссхольма» Хаггарда, где католический аббат оказывается шпионом, изменником и стяжателем?

В объявленном в проспекте «Безбожника» списке есть вещи и разумные, например, «Избранные произведения» Золя (нужно надеяться, что трилогия о городах, а не аббат Мурэ). Но ни эти три романа, ни—книга вполне пригодная—сокращение «Вечного жида» Сю, ни сборники антирелигиозных стихов и рассказов (набрать из разных авторов книгу подобных рассказов легче, нежели найти один роман) не разрешают положения. Иноязычная, особенно старая, беллетристика не может быть действительно одновременно и художественно и антирелигиозно. Нашим издательствам следовало бы рассматривать ее только как документацию.

Значительно больше пользы, чем осуществляемая «Безбожником» библиотека, принесло бы появление серии сборников документов, и отрывков из мемуаров, и художественных произведений, сборников, иллюстрирующих историю религии и церкви. Понятно, такие сборники должны снабжаться настоящими деловыми статьями и быть исчерпывающе прокомментированы. Подобная серия, охватывающая вопрос исторически, на всем протяжении деятельности церкви, будет иметь не одну только антирелигиозную, но и общекультурную ценность. Предложенный же издательством «Безбожник» подбор книг, не говоря уже о чрезмерном редакторском «попустительстве», вполне случаен и отрывочен исторически: ни из деятельности «Безбожник», ни из наскока «Атеиста» наш читатель не вынесет впечатления об эволюции, изменениях, приспособлениях, создающих и держащих грандиозную многовековую машину, именуемую божией церковью.

Г. Честертон—«ДИККЕНС». Пер. А. П. Зельдович. «Прибой». Л. 1929 г. 276 стр. 1 р. 50 к. + 25 к. Тираж 5 000 экз.

Априори можно утверждать, что иностранные буржуазные монографии о писателях нам пригодны могут быть лишь за очень малыми исключениями: либо в тех случаях, когда книга исчерпывающе полна (как, например, работа Массона о Мильтоне Доттэна о Де-Фо) является классической, непревзойденной и лишь с трудом превосходимой, либо же когда биограф вводит свою тему в социальный круг (как, например, Чад-

вик о Де-Фо, Карлейль о Кромвелле). Работ первой категории еще можно набрать довольно много; работ второй категории количество считанное. Возможен, наконец, третий случай, когда автор настолько значителен, что книга его интересна не как исследование о ком-нибудь, но как авторские высказывания. Если мы доживем когда-нибудь до настоящего полного собрания сочинений Диккенса, мы увидим по-русски «Детскую историю Англии», бесполезную нашим детям, никуда негодную историю, но чрезвычайно важную для понимания Диккенса книгу.

В почти необъятной диккенсиаде трудом до сих пор классическим, не превзойденным, несмотря на ряд мелочных неточностей и обилие неверных, узких концепций, является книга Джона Фостера (1872), друга Диккенса. Если предлагать советскому читателю серьезную работу о Диккенса, — нужно издавать именно эту книгу, исправивши и дополнивши ее. Издавать для ознакомления с Диккенсом рецензируемую книгу Честертон — то же, что знакомить иностранцев с Пушкиным при помощи статей Гершензона или Розанова. Дарование Честертон-беллетриста тут не при чем. Во-первых, он не на столько уж значительная фигура, во-вторых, если уж выбирать его теоретические высказывания, то «Набаты и споры» (1910 г.) или «Контур здравого смысла» (1927 г.) значительно и характернее, и интереснее и острее.

Честертон, как известно, стоит в оппозиции существующим в Англии порядкам. Оппозиция эта справа, а не слева. Честертон — представитель католического социализма, мечтающего о возрождении мелкого землевладения, и, как всякая феодальная реакция в буржуазных условиях, прикрывающегося оптимистическим демократизмом. Из политической концепции вытекает стремление непременно создавать героев, если не героев-завоевателей, то хоть героев литературы, писателей, утверждающих приоритет человеческого духа над окружающим миром, утверждающих всемогущество человеческого духа.

Таково понимание Диккенса. Диккенс — по Честертону — вполне самобытный фантаст, силой воображения создающий персонажи, настолько реальные, настолько живые, что благодаря самому своему полнокровию они становятся неправдоподобными, вымышленными. Диккенс — писатель возникший сразу, целостно, и притом отнюдь не реалист. Утверждение самобытности Диккенса Честертон доводит до того, что даже историю написания «Записок